

18+

Екатерина Алейкина

**КАК
ДАНИЛА
ЛЁНЮ СПАСАЛ**

юмористическая повесть

Екатерина Алёхина
Как Данила Лёню спасал

«Издательские решения»

Алёхина Е.

Как Данила Лёню спасал / Е. Алёхина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510981-1

Лёня Весёлов — ничем не примечательный учитель истории, который живёт скучной жизнью. Но однажды он знакомится с коллегой с шилом в заднице и вдобавок получает весьма необычный подарок от почившей бабули, которую едва знал.

ISBN 978-5-00-510981-1

© Алёхина Е.
© Издательские решения

Содержание

1. О том, как Данила Левитан позорил фамилию	6
2. О том, как Данила встретил Лёню (и ужаснулся)	10
3. О том, как Лёня покупал сосиски	12
4. О том, как полезно быть вежливым	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Как Данила Лёню спасал

Екатерина Алёхина

© Екатерина Алёхина, 2020

ISBN 978-5-0051-0981-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. О том, как Данила Левитан позорил фамилию

С детством у Данилы ассоциировались картины еврейских художников и запах старых журналов на идише, сундук с которыми до сих пор хранился дома. Семья у него была большая, и Данила часто читал младшим эти журналы вместе с историями про Робина Гуда и Синдбада-морехода. Любимой забавой у него было наряжаться царём Соломоном с картины Исаака Аскназия «Экклезиаст» и приказывать «рабам» нести больше золота. Младшие тащили ложки, шкатулки с бусами и пуговицы, а мама смеялась и потом в шутку называла Данилу Соломоном, извиняясь за то, что ему приходится есть за одним столом с рабами.

А в двенадцать он впервые побывал в Третьяковской галерее: отец взял с собой в Москву по работе. Там Данила увидел оригиналы картин своего знаменитого однофамильца Левитана, и жизнь его напрочь переплелась с искусством, хотя сам он никогда не рисовал. Но в каждом новом городе он всегда сперва смотрел музеи, а потом уже всё остальное.

Теперь за спиной была треть Европы, четыре года жизни в Лондоне, но Данила всё равно пошёл на ростовскую ночь в музей, хотя бы уж чтобы посмотреть парочку фильмов о русском авангарде, который очень любил, ну а на экскурсию остался, потому что чего бы и не остаться, если даром. Любовь к бесплатному у него была чертой исконно русской, хотя еврейской крови в нём было куда больше. Впрочем, в глаза это не бросалось, пока не приходилось представиться полным именем. А стоило только сказать, что зовут его Даниил Миронович Левитан, как сразу замечалось что-то этакое, хотя так сразу и не скажешь что. В свои тридцать без хвостика он был высоким, громким, имел черты харизматичной сволочи, к тому же одевался в светлое и отутюженное, а русые волосы причёсывал волосок к волоску, в общем, стоило ему появиться где бы то ни было, он сразу же обращал на себя внимание.

Сегодня же он, тем не менее, умудрялся помалкивать до поры до времени. Но тут его внимание привлекла девушка, у которой зазвонил телефон.

– Что значит «передумал»?! – рявкнула она в трубку, тут же подняла взгляд на окружающих, слегка улыбнулась в знак извинения и понизила голос. Но Данила в силу своего безмерного любопытства уже начал прислушиваться.

– Ну дорогуша, значит, придётся убить этого полоумного старика. Ты хотя бы понимаешь, что без картины нам конец? – продолжила разговор девушка.

Данила про себя отметил, что вид у неё был чересчур деловой для расслабленной вечерней экскурсии: белая блуза с запахом, строгая чёрная юбка и лаковые туфли на шпильках. Губы её было ярко накрашены алой помадой, а чёрные волосы – стянуты сзади в жгут. На вскидку чуть за тридцать, подумал Данила. И нет, не любительница искусства, скорее всего, его продаёт.

Когда девушка закончила разговор, он тут же подошёл с несколько вальяжным видом, будто собирался поинтересоваться её мнением о выставке. Но фамильярность была одной из его спорных раздражающе-подкупающих черт, поэтому, склонив голову в сторону девушки, он тихо спросил:

– Простите, я слышал, вы картину потеряли? Это случайно не тот Айвазовский из частной коллекции, который...

Девушка резко повернулась и угрожающе ткнула указательным пальцем ему в лицо.

– Только посмейте.

Ногти у неё тоже были алыми. В этом чёрно-бело-красном колоре, с пронзительным взглядом, она напоминала плакат Эля Лисицкого – того и гляди полетят искры. «Клином красным бей белых». Данила – чего никак нельзя было ожидать в таком опасном положении – улыбнулся.

Афишу об открытии новой арт-галереи на Большой Садовой он, конечно, видел и непременно собирался зайти. Обещали показать ранее не выставлявшуюся картину из частной кол-

лекции, такое он пропустить не мог. Ростов не Москва – каждый день на Айвазовского тут не помотришь.

– Вообще-то, я могу вам помочь. У меня есть один талантливый знакомый, который за ночь может хоть Сикстинскую капеллу скопировать.

– Вы что предлагаете... – заговорила она резко, но тут же перешла на шёпот, – подделать картину?

– А вы предлагали убить старика.

– Если вы таким способом решили меня соблазнить...

Данила хмыкнул и руку освободил.

– Клянусь святым именем Ивана Константиновича Айвазовского, что это даже не пришло мне в голову.

Не то, чтобы это было прямо правдой, мало ли чего там могло прийти в его богатую на фантазию голову, но ситуация и в самом деле не располагала, да и способ был не самый лучший. Девушка, кажется, оскорбилась.

– Сколько это будет мне стоить? – спросила она сухо.

– Ради Бога, Сули мой давний товарищ, одна бутылочка хорошего – и дело в кармане.

Он щёлкнул себя двумя пальцами по шее, красноречиво поясняя, бутылочку какого хорошего имел ввиду. Девушка закатила глаза и резко толкнула дверь на улицу.

– Послушайте, давайте без шуток, – сказала она там. – Если на открытии не будет Айвазовского, меня не просто уволят, меня к чёртям по стенке размажут. – Она вздохнула. – Господи, угораздило же повестись с полоумным. Ну а вы бы не повелись, когда у него там такое? Купил на аукционе в Польше. – Девушка достала из сумочки пачку сигарет и закурила. – Милый старикан сначала показался, ну божий одуванчик прям, сразу можно было догадаться, что он с маразмом.

– Она ведь вам по сути нужна на один день, верно? Эта картина. И фотография у вас есть? Девушка выдохнула дым и кивнула.

– Тогда идёте. Терять вам всё равно нечего. Только в магазин зайдём.

Ей ничего не оставалось, как только пойти следом, поскольку согласия он не дождался. Только обернулся и добавил:

– Я Данила, кстати.

– Лада, – ответила она, поспешно затушив сигарету о край урны.

Идти было около получаса. Данила расспрашивал о старике, о картине, Лада цокала каблуками и отвечала несколько нервно.

– Теперь меня не только размажут по стенке, но ещё и посадят, – пробормотала она себе под нос.

Данила успокоил:

– Не бойтесь, вам больше двух лет не дадут.

Лада прожгла его саркастичным взглядом.

В магазине он долго искал бутылку подходящего бурбона и сказал Ладе поставить на место коньяк, потому что не кошерный. Взяли пол-литровый «Jim Beam» и немного закуски, а когда снова вышли на улицу, уже начало темнеть. Данила сбавил шаг: как раз пришлось преодолевать участок улицы Станиславского возле Центрального рынка, где меняли трамвайные рельсы. Вернее сказать, выдрали старые. Обычно процесс укладки новых настолько затягивался, будто их отливали на заводе во Владивостоке, а доставляли в Ростов при помощи бурлаков. Сейчас улица выглядела как после бомбёжки, и Лада, преодолевающая препятствие на шпильках, была на грани того, чтобы отказаться от затеи.

– Господи, у нас что, опять какой-то чемпионат мира предстоит?

Данила снова успокоил:

– Расслабьтесь, дальше будет только хуже.

И надо сказать, что он не шутил. Товарищ его жил за рынком в старом двухэтажном доме, из тех что под угрозой сноса стояли в центре города уже несколько десятков лет, а на время визита президента закрывались занавесом с красивой картинкой. Сначала пришлось поковыряться с деревянной калиткой, на которой висел проржавевший кодовый замок. Потом предстояло преодолеть узкую скрипучую лестницу, которая вела со двора сразу на второй этаж. Квартира начиналась с какого-то хлипкого балкона с деревянными, лет сто немытыми рамами.

– На всякий случай предупреждаю, что я пока не готова умереть, – сказала Лада, не решаясь шагнуть на ступеньки.

Данила, обернувшись, улыбнулся.

– Сейчас не страшно. Вот когда трамваи ездят, могут и пломбы из зубов повывлетать.

– Даже не знаю, что меня пугает больше: эта лестница или ваш оптимизм, – пробормотала в ответ она, но Данила уже заходил в квартиру: дверь оказалась незаперта.

– Сули! – крикнул он с порога.

Лада, хватаясь за перила, неуверенно прошла по лестнице и ступила в квартиру следом за ним. Балкон оказался одновременно и прихожей, и кухней, было светло. В углу угрожающе рычал холодильник советского производства. Имелся тут и небольшой столик, покрытый потрёпанной клеёнкой в цветочек, пара табуреток, полная пепельница, инсталляция пустых бутылок из-под кошерного алкоголя и множество прочего мелкого барахла. Из-за арочного проёма выглянул невысокий молодой человек, он держал в зубах перепачканную красками кисть. Его тёмные, местами зелёные от краски волосы торчали во все стороны, а лицо поросло негустой щетиной с теми же оттенками зелёного.

– А, Левитан, – отозвался он без особого энтузиазма и вынул кисть изо рта. – Морда ты жидовская. Рад меня видеть, только когда нужно что-то даром сляпать.

– Я, между прочим, с Джимом, но могу и уйти обиженно.

– С Джимом? – в голосе тут же прибавилось энтузиазма.

– Ладе нужен Айвазовский.

– Хм, Айвазовский... – Молодой человек, он же Сули, задумчиво пошкрёб щетину зелёными пальцами. – Даже не знаю, получится ли с бурбоном, надо было лучше водки взять. Но можно попробовать, проходите.

Сразу началась суета, Данила скинул ботинки и нашёл две пары каких-то потрёпанных тапочек, Сули взялся за гостинец, порезал лимон и сыр, достал бокалы. Лада оторопело застыла на месте: подобная слаженность ввела её в недоумение. Ни этот странноватый еврей (вернее, два еврея), ни это жилище не внушали ей доверия, что уж говорить о тапочках. Не снимая туфель, она всё-таки прошла в квартиру. За арочным проёмом был тесный проход, дверь в туалет, а дальше – всего одна крошечная комната со страшной люстрой, сервантом с немытыми дверцами и грудой полотен разных размеров. У окна стоял мольберт с неразборчивой зелёной мазнёй.

– Это что всё тоже?.. – спросила Лада, окидывая взглядом пространство.

– За кого вы меня принимаете? – отозвался Сули. – Я, знаете ли, и для души рисую.

Он быстро расставил на раскопанном Данилой журнальном столике посуду. Внезапно из-под хлама появился и продавленный диван.

– Извините, Данила, но вы же не собираетесь надраться бурбона?

Он развалился на диване и растянул губы в улыбке. Вообще-то, Данила был человеком интеллигентным, преподавал в университете и не имел привычки «надираться». Но продавать подделки ему тоже было неприлично, хотя именно с его подачи Сули этим некогда и занялся.

Познакомились они ещё во время студенчества. Сули тогда рисовал открытки и уменьшенные копии с картин, зарабатывая так на жизнь. Данила предложил в шутку развести какого-нибудь богача на пару тысяч долларов. Даже нашёл подходящего, воспользовавшись своим

умением обаять. Думали, догадается, а дело странным образом выгорело. Не расстраивать же человека. С тех пор старались не злоупотреблять, конечно, но мало ли какие бывали случаи.

Сули ответил вместо Данилы, озвучив его мысли.

– Ну почему сразу «надраться», милая? Культурно откушать. Я же вам не алкоголик, чтобы в одиночку пить. А для Айвазовского, извините, нужна особая кондиция. Что рисовать-то будем?

Лада вздохнула. Она с опаской опустилась на диван и достала из сумки планшет, открыла фотографию. Сули притащил старое кресло и сел с другой стороны стола. Он внимательно изучил фотографию, что-то прикинул в уме и кивнул Даниле, чтобы наливал. Тот молча повиновался и первый бокал отдал Ладе. Она вздохнула снова и подцепила с тарелки кусочек сыра.

– Я, кажется, схожу с ума, – сказала самой себе и сделала первый глоток.

Наутро она проснулась на плече у Сули, придавленная к нему Данилой, а посреди комнаты уже стояла идеально написанная подделка Айвазовского.

2. О том, как Данила встретил Лёню (и ужаснулся)

Когда Данила зашёл в аудиторию, он первым делом увидел этого студентика: тощего, лохматого и походившего на невротика. Тот торчал посреди аудитории и, вероятно, что-то спрашивал. Данила его сразу узнал, он был из тех студентов, кого запомнишь, даже если не очень хочется: любителей задавать неуместные вопросы. Звали его Константином, и он теперь вытаращился на Данилу так же, как и все остальные. В аудитории установилась странная давящая тишина, будто он появился в неподобающем виде. Данила, впрочем, – ну это же Данила – был весь в бессовестно светлом и без галстука, будто не в аудиторию ввалился на чужую лекцию, а на пляже пришёл посидеть, разве что не хватало шляпы.

Он несколько удивлённо обозрел всех и остановил взгляд на преподавателе, который во всём этом наполненном воздухом пространстве не бросался в глаза и замечался только самым последним. Хотя он вроде бы и был нормального размера, всё же почему-то казался каким-то маленьким, точно какой-нибудь гоголевский Акакий Акакиевич. Выглядел несколько неуклюже: сутулый, бородатый, отросшие курчавые волосы были небрежно заправлены за уши и топорщились. Дать ему можно было лет тридцать пять, хотя пару из них явно списывались на бороду. Он тоже смотрел на Данилу, но даже не удивлённо, а как будто устало. Что он преподавал? Странно, но Данила не мог вспомнить ни этого, ни его имени, ни даже голоса, только лицо и было знакомым.

– Эм... Извините, – сказал он после нелепой паузы. – Я у вас тут посижу? Обещаю не мешаться.

Он улыбнулся и, конечно, не дожидаясь ответа, уселся на ближайшее ко входу место, заставив потесниться студентку, которая восприняла это с неприличным энтузиазмом и даже начала что-то щебетать подружкам с соседней парты, но Данила шикнул на неё, приложив палец к губам.

Тут он услышал голос преподавателя и обернулся, ожидая реплики в свою сторону. Но её не последовало, только размеренное, какое-то песочное вещание. Данила прислушался, пытаясь сообразить, ответ ли это на вопрос Константина, но, кажется, просто продолжилась лекция на тему «большого террора». История, значит. Историю Данила считал предметом чрезвычайно интересным, но требующим завлекающей подачи. Его коллега, судя по всему, имел мнение другое и лекцию читал отстранёно, словно школьный учитель.

Стоит, наверное, пояснить, чего Данила вообще явился на чужую лекцию. Никакой особенной причины за этим не крылось: просто его вызвали в деканат по какому-то делу, но когда он смог прийти, декана на месте не оказалось, а секретарь, улыбаясь всем своим естеством, пропела, что Даниил Миронович может подождать прямо здесь и предложила угоститься леденцами. Даниил Миронович от леденцов предпочитал отказываться, чтобы потом не выяснилось, что он съел их все, поэтому он поспешил выйти из деканата и хотел вернуться на кафедру, но по пути встретил Ренату. Рената, как и Константин, была из тех студентов, кому лучше не позволять открывать рот, но прежде чем Данила успел перебить, она уже это сделала, и из неё полез поток бесконтрольной информации о книге, которую она только что закончила читать. До кафедры путь был не близкий, и Данила опасался, что успеет выслушать весь сюжет, поэтому он совершенно бесцеремонно покинул общество Ренаты, нырнув в первую попавшуюся аудиторию, уверенный в том, что она не заметит его отсутствия ещё, как минимум, минуты две.

Впрочем, радоваться ещё было рано. Её теперь заменил Константин, который, конечно, снова прервал лекцию. Даниле показалось, что он не только услышал вздох лектора, но и буквально почувствовал тяжесть этого вздоха на своих плечах. Звали его, значит, Леонидом Борисовичем. Вспомнить фамилию мешал, мать его, Костя. Он, так и продолжая стоять, начал нести

банальщину, будто вычитанную из Википедии, мол, а как же десять миллионов невинно убиенных и прочее.

Тут Данила вздохнул и сам. Откинувшись на спинку стула, он задумчиво смотрел на Леонида Борисовича, ожидая, что тот ответит. И как-то ему становилось жутко. Нет, вопросы, конечно, всякие бывают, но Леонид Борисович выглядел так, будто для него любые вопросы были всё равно что зубная боль. Он просто хотел скучно почитать свою скучную лекцию и скучно уйти.

– Цифры сильно преувеличены, – скупое ответил он.

– Но ведь вы не станете отрицать, что имела место неоправданная жестокость!

– Безобразные черты некоторых исторических процессов – многих процессов в нашей стране, прошу заметить... тем не менее, не отменяют их значимости в эволюции политического режима и самого хода истории.

– Простите, но...

– Ради бога, Костя! – не сдержавшись, встрял Данила, вновь обратив на себя всеобщее внимание. – Вы ещё у меня на лекции про современное искусство скажите, что так может нарисовать любой ребёнок, и я вас заставлю выучить все картины Малевича. Сядьте уже, стыдно слушать.

Студентка рядом с ним хихикнула.

– Скажите спасибо, что мы отучили его делать это в конце лекции.

– И действительно спасибо.

Константин пристыженно сел. Леонид Борисович продолжил лекцию. Ни тебе улыбки, ни реплики какой-нибудь не по стандарту, Данила в лёгком ужасе примял щеку ладонью. Он, хотя и преподавал не так долго, мог себе представить, как задолбаешься иногда читать одно и то же. Но тут было что-то другое. Леонид Борисович, казалось, не любил историю вообще. С ним было что-то не так. Данила не то чтобы имел обыкновение лезть в чужие дела, но из-за необходимости часто оставаться дома за старшего он с детства привык оказывать помощь всем и вся, порой не замечая, что его об этом не просили. Сразу после лекции он подошёл поздороваться и протянул руку.

– Данила Левитан, читаю историю искусства.

– Леонид, в смысле Лёня, Весёлов. – Ответ прозвучал не очень уверенно. – Спасибо, что помог с этими вопросами...

Данила пару секунд, сжав челюсти, заторможено молчал: не отреагировать на такую фамилию ему было очень непросто. В самом деле? Весёлов? Наконец, он ответил:

– А, да без проблем. Знаю я таких зануд, это надо сразу пресекать, чтобы потом не мучиться. Слушай, я тут подумал... У тебя есть планы на сегодня?

– Ну мне надо в магазин, сосисок купить на завтрак...

Данила снова оторопел. Какие, прости господи, сосиски.

– Ну допустим. Одно другому не мешает, всё равно в магазин заходить, – решил он. – Я неплохо готовлю отбивную. Хочу тебя угостить. А то уже почти год вместе работаем, а так и не познакомились, как-то странно.

Лёня неуверенно улыбнулся. Отказать он не решился. Да и никто тут, вообще-то, не спрашивал.

– Хорошо, только я, если что... предпочитаю не выпивать.

Он почесал свою стриженную бороду.

– Без проблем, я тоже, – не поведя и бровью, заверил Данила.

3. О том, как Лёня покупал сосиски

Закончив дела, из университета они вышли через час. Погода стояла уже почти летняя, светило солнце, и Данила надел тёмные очки. Рядом с Лёней они смотрелись несколько несуразно. Один – высокий и прямой, в светлом пиджаке без единой складки, шагал широко и уверенно, глядя перед собой. Второй – будто уменьшающийся из-за своей привычки сутулиться, обросший спутанными волосами, шёл в своём топорщащемся синем костюмчике, щурясь от света и опустив голову.

Решено было идти домой к Лёне, потому что его там ждала голодная кошка. Данила возражать не стал, он жил с семьёй и подумал, что этот балаган может спугнуть нового знакомого.

– Значит, ты не женат, – сказал он уже на улице.

– В разводе.

Данила вот только сейчас заметил, что голос у Лёни сам по себе был несколько печальным, с силовыми нотками, так что сложно было по нему отслеживать настроение, словно Лёня был одинаково несчастен и из-за развода, и из-за «большого террора», и из-за того что закончились сосиски.

– Давно? – уточнил Данила.

– Полгода.

– Знаю, что не моё дело...

– Сказала, что я скучный и душный. И что со мной только подышать.

– А до свадьбы ты был весельчаком? – ляпнул Данила, но вышло не смешно.

Лёня ещё сильнее осунулся, и стало его жалко. Казалось, он таким и был – маленьким жалостливым человечком. Но Данила очень не любил сходу бросаться в оценочные суждения. Он был уверен, что люди в большинстве своём похожи на картины великих художников, которые всегда показывают больше, чем видишь. И с людьми всё гораздо сложнее. Ведь под картиной Пита Мондриана ещё может быть написано, что это «Цветущая яблоня», а под Лёней Весёловым такой бирки нет.

– По-моему, только скучный человек может назвать другого скучным. Ну то есть скучные люди, как правило, тянутся к нескучным, потому что скучный со скучным помрёт от скуки. А нескучному человеку не скучно и со скучным, понимаешь?

Выдав эту речь, Данила широким шагом вступил во вращающиеся двери супермаркета, Лёня озадачено застрял на улице. В магазине они тоже разделились: Данила оккупировал витрину с мясом, Лёня собирал корзинку. Уже почти вышли, когда он пошёл назад и пристал к кассиру:

– Простите, мне тут сосиски посчитали не по ценнику...

– Пойдём, Лёня, – Данила за локоть потянул его на улицу.

– Но мне не по ценнику... – бормотал Лёня. – На целых тридцать рублей. Я бы их не брал, если б знал, что без скидки.

– Хреново тебе, наверное, с такой фамилией живётся.

Лёня замолчал. Данила вздохнул, снова вышло резко. Нельзя же вот так человеку в лицо говорить, что он живёт хреново – он, может, не знает.

– Слушай, ну а что если выбрать сосиски, которые тебе нравятся по вкусу и по цене, и покупать их всё время?

– Когда я привыкаю к каким-то сосискам, они тут же портятся.

Об этом Данила, конечно, не подумал. Остановившись на перекрёстке, философски молчали, пока остальные прохожие безучастно перебежали дорогу на красный.

– Уже почти год как вернулся из Европы, – заговорил Данила, – а каждый раз немного пугаюсь на улице, думаю, что такое, почему все бегут на красный, может, конец света и мне тоже нужно бежать? А потом вспоминаю, что я же дома.

И они пошли, когда загорелся зелёный.

– Помнишь сцену в «Достучаться до небес», когда куча полицейских машин ведут преследование, но тут загорается красный светофор, и они все останавливаются?

– Я не смотрел, кажется.

– Серьёзно? Не любишь кино?

– Почему, люблю немного. Тарковского там, Муратову...

– Ну это заметно. Живёшь хотя бы не в луже?

– Из лужи пришлось переехать, когда кошка завелась. Ей там не нравилось.

Данила улыбнулся, хотя в том, что это шутка, уверенности не было. Они прошли по Пушкинской и свернули во двор старого трёхэтажного дома из красного кирпича. Квартира у Лёни была маленькая, однокомнатная, с узкими окнами. Прямо у входа встретила рыжая кошка, она сидела на полке для обуви и смотрела на Данилу, выпучив жёлтые глаза. Он почесал её за ухом, и она осторожно понюхала его руку. Вид у неё был такой, будто людей, кроме Лёни, она никогда не видела. И звали её Маша. Данила даже не стал спрашивать, почему Маша, а только молча снял ботинки, вымыл руки в ванной и зашёл на тесную квадратную кухню. Кошка крадась следом. Лёня помог разобраться где что, выложил в холодильник свои покупки и выдал в кошачью миску пакетик мягкого корма, на который Маша, занятая гостем, не обратила внимания. Потом он сел за стол в углу чистить картошку.

– И долго ты в Европе жил? – спросил.

– Четыре года, – ответил Данила, разбираясь с мясом. – Сначала поездил немного, посмотрел разные города, потом осел в Лондоне, писал диссертацию.

– Целых четыре года... это долго. И у тебя не было... ну...

– Чего? Приступов патриотизма?

– Тоски там...

– Нет, не было. Ну только по родным, но мы много общались по скайпу. Вот тебе бы было тоскливо, потому что ты даже над сосисками рефлексировать. А я ездил не искать себя, а изучать искусство и просто среди людей побыть. Я ведь на жизнь переводами зарабатываю в основном, а чтобы чувствовать язык, в него надо периодически погружаться. Поэтому, когда приезжаю в новый город, сначала по полдня сижу в музеях и галереях, а остальные полдня хожу по улицам, разговариваю с людьми.

– Но всё равно ведь сравниваешь.

– Первое время конечно. Но понимаешь какая штука, Лёня... Это только поначалу думаешь «о, а у нас не так, и вот это не так, и вот то не так», а потом замечаешь, что вон там на заборе написано, а ты думал, что только у нас так делают. И сразу начинаешь смотреть на другое. Видишь, что и у нас так, и у нас так, а потом просто... перестаёшь делить на «них» и «нас». Да, люди разные, но когда смотришь глубже, чем национальность, вера, ориентация, что-то там ещё – понимаешь, что внутри все очень похоже, хотят, боятся одного и того же, понимаешь?

Лёня молчал.

– Я однажды в лондонском пригороде встретил гопников, представляешь? Они там называются chavs, чавы. Иду такой, а тут в подворотне эти ребята стены подпирают, ну вот, понимаешь, спортивные костюмы, пиво, даже рожи такие же! Они на меня глаз положили, а я к ним чуть ли не с объятиями полез. Пацаны, говорю, прям как дома себя почувствовал! Они такого, конечно, не ожидали. Даже пивом угостили.

Данила повернулся с ножом в руках. Лёня тоже отвлекся от дела и задумчиво смотрел перед собой рассеянным взглядом.

– Ты чего?

Он моргнул, взял нож и повертел его в руке.

– А я вот и в Лондоне не был. И вообще... нигде толком. Всё как-то работа, работа...

Данила, глядя на него, покусал губу и отвернулся обратно к мясу. Представилось каково это – тридцать лет не выбираться из Ростова, и самому сделалось тоскливо. А к такому он совсем не привык. С Лёней всё, кажется, было не так просто.

– На море-то хоть был?

– В Геленджик с женой ездили.

– Да, Лёня, в Геленджике, конечно, море.

Тут он совершенно неожиданно рассмеялся.

– Интересный ты, Данила, человек.

Данила удивлённо обернулся, но Лёня уже снова чистил картошку. А потом он порезал палец, и пришлось его спасать.

4. О том, как полезно быть вежливым

На следующий день Данила застал Лёню на кафедре. Он сидел на столе, прижимая ладонью бороду, и, кажется, глубоко ушёл в себя, поскольку не повернулся. Данила даже несколько смутился этого зрелища, хотя смущаться ему было ничуть не свойственно. Всё же Лёня не производил впечатление того, кто предаётся грусти бездейственно. Он, скорее, был из тех, кто грустно занимается своими делами в стороне от всеобщего веселья. К тому же, как выяснилось вчера, он читал лекции ещё на нескольких факультетах университета, а потому нигде не засиживался.

– Прокрастинируешь? – осторожно спросил Данила, подойдя ближе.

Лёня вздрогнул, повернулся.

– Да, я тут... – пробормотал он и стал хвататься за разложенные бумаги, но снова вздохнул, опустил руки.

– Что-то случилось?

Данила прислонился к столу сбоку от него.

– Я тут узнал, что Анна Марковна умерла.

– Родственница твоя?

– Нет, одна знакомая бабушка, я ей однажды помог сумки до дома донести.

Данила несколько секунд смотрел молча, ожидая продолжения, поскольку оно явно напрашивалось. Но, конечно, не последовало, и пришлось помогать.

– А вид у тебя такой, будто она сама тебе новость сообщила.

– Она сама и сообщила... – ответил Лёня. – Представляешь... мне в деканате отдали письмо на моё имя, а оно от Анны Марковны.

Он протянул листок, на котором слегка дрожащим почерком с завитками Анна Марковна сообщала о своей смерти. После она просила Лёню забрать подарок на память, который хранится в банковской ячейке.

– Очаровательно. Что она тебе могла оставить в ячейке? Золотые ложки? Это, вообще-то, не дешёвое удовольствие – ячейку арендовать.

– Ну она жила в большой квартире на Семашко и получала хорошую пенсию как ветеран войны. Милая бабулька, маленькая такая, – тихо говорил Лёня, рассеянно глядя перед собой. – Попросила попить с ней чаю, потому что ей было не с кем поговорить. Ты представляешь, как ей на самом деле было одиноко, если перед смертью она вспомнила меня?..

Данила начал опасаться, что он сейчас заплачет.

– Все старики одиноки, Лёня. Как и дети. Ты не расстраивайся так сильно, я сейчас тебе сделаю кофе.

Он отлип от стола и стал хозяйничать на чужой кафедре: включил чайник, нашёл банку растворимого кофе.

– Это твоя кружка? Когда ты её мыл последний раз? И сахар у вас засох. Лучше бы ты к нам прокрастинировать пришёл, меня Ольга Валентиновна так закармливает зефиром, что я его уже жрать не могу.

Ольга Валентиновна преподавала историю архитектуры и явно имела на Данилу планы: судя по всему дождалась, пока он станет толстым и малопривлекательным, чтобы можно было прибрать его себе.

– Я ей говорю: «Ольга Вален-ти-но-ВНА!». А она мне: «Ну Даниил Миронович, ещё кусочек скушайте», – пропел он, коверкая голос. – Лучше бы колбасы принесла.

– Я думал, в тебя только студентки влюбляются, – несколько отстранёно просипел Лёня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.